В школе юных скаутов. Поиски клада

Автор:
Эдуард Веркин

В школе юных скаутов. Поиски клада

Эдуард Веркин

В жизни всегда найдется место приключениям! Любая мечта может осуществиться, а любое, даже самое скучное, дело – стать опасным и интересным. Не веришь? Читай веселые и увлекательные истории о трех друзьях: Витьке, Генке и Жмуркине. Гонки на мотоциклах, борьба с грабителями и поиски сокровищ не дадут тебе заскучать!

Эдуард Веркин

В школе юных скаутов. Поиски клада

Глава 1

Операция «Анаконда»

– Значит, дело было так… – Жмуркин встал и пустился мельтешить по гаражу.

– Жмуркин, – сказал Генка. – У тебя шнурки развязались.

– На такие дешевые разводки я не развожусь, – ответил Жмуркин.

И тут же наступил на шнурки, запутался в ногах и упал.

Витька и Генка засмеялись. Жмуркин поднялся, выдернул шнурки и спрятал в карман.

– Ему мама до сих пор завязывает, – Генка затянул в воздухе воображаемый узел. – А если он сам берется, то себя к ботинкам привязывает, потом приходится ножом отрезать…

Жмуркин не поддался. Взял очередной пакет с попкорном, распотрошил и продолжил:

– Иду я это, значит, по улице, иду-иду, никого не трогаю…

– Жмуркин, – перебил Генка. – Кого ты там можешь тронуть? Кому ты нужен? Встреться ты мне на улице, я бы в тебя даже не плюнул!

– Не перебивай! – Жмуркин швырнул в Витьку попкорном. – Перебивая меня, ты лишаешь себя и свою семью шанса с большой буквы «Ш»! Ибо то, что я собираюсь тебе рассказать, перевернет твою жизнь! Ты сможешь посмотреть мир! Слетать в Новую Зеландию! Или сходить на ледоколе на Северный полюс – это сейчас в моду входит! Или даже нырнуть к затонувшему «Титанику»!

Генка с Витькой иронически переглянулись.

– Вижу, что возвышенные идеи вам чужды, – Жмуркин надул пакет, затянул горловину, хлопнул. – Тогда буду оперировать знакомыми вам понятиями халявы и чистогана. Вы сможете позволить себе все. Любую вещь, в рамках, разумеется, возможного. Ты, Генка, сможешь себе купить…

Жмуркин оглядел гараж.

– Генка, ты хочешь «Харлей-Дэвидсон»[1 - «Харлей-Дэвидсон» – марка культового американского мотоцикла.]?

Генка посмотрел на «Пчелу-убийцу», почесал подбородок.

– Ну, допустим, хочу, – сказал он.

– Ты купишь себе «Харлей-Дэвидсон»! – это было сказано торжественно и по-жмуркински самоуверенно. – А ты, Витька, о чем мечтаешь?

Витька не знал толком, о чем он мечтал. Нет, на самом деле он мечтал о том, чтобы на всей земле наступило благоденствие и процветание, чтобы не надо было работать и чтобы всем всего хватало, в том числе и мотоциклов «Харлей-Дэвидсон». Но Витька постеснялся сказать об этом и сказал по-другому:

– Хочу библиотеку собрать на десять тысяч томов.

– Почему на десять? – удивился Жмуркин.

– Человек, если он читает книжки, в среднем может прочитать на протяжении жизни десять тысяч. Вот мне как раз и хватит.

– Будет тебе десять тысяч книг! – Жмуркин похлопал Витьку по плечу. – Только если ты их в свою квартирку убогую перевезешь – вам там развернуться негде будет. Ты будешь в ванной спать…

– Ничего, – сказал Витька, – я эту проблему решу как-нибудь.

– Договорились! – Жмуркин хлопнул в ладоши. – Тебе, Генка, «Харлей», тебе, Витька, макулатуру. И со своей подружкой сможешь в Гренландию съездить, на Новый год. Ну, если заведешь кого-нибудь, конечно… Ген, где кукуруза?

– В углу.

Жмуркин достал из угла под верстаком кулек с зерном, засыпал в круглый аквариум, щелкнул переключателем рефлектора. Запахло маслом и кукурузой. Когда кукуруза весело запрыгала в стеклянном пузыре, Жмуркин выключил агрегат и нагреб себе в бумажный пакет попкорна.

– Хороший у тебя попкорн получается, – Жмуркин отправил в рот горсть воздушной кукурузы. – Хочешь, я с директором поговорю насчет твоей установки? А то у нас попкорн какой-то деревянный…

– Не слушай его, Ген, – посоветовал Витька. – Он твой отличный агрегат продаст в свой буржуазный кинотеатр, а денег тебе шиш обломится. Потратит их на какую-нибудь очередную фотовспышку…

– Если удастся мой план, – Жмуркин давился кукурузой, – то у меня будут самые яркие вспышки, какие только можно придумать! У меня отличный план…

– Знаешь, Жмуркин, – зевнул Генка. – Когда я слышу «у меня отличный план», мне хочется треснуть тебя чем-нибудь корявым. По ногам. Чтобы ты больше никогда не смог к нам прийти…

– Ты меня на руках еще носить будешь, – буркнул Жмуркин. – Гордиться, что был со мной знаком…

Генка выбрался из кресла, подошел к верстаку, отключил свой кукурузный агрегат и накрыл его брезентом.

– Техника еще не опробована, – пояснил он. – Никуда продавать не буду, а вдруг кто отравится?

– Ты, Жмуркин, пойми, – Витька поудобнее устроился в кресле, – ты пойми, что после твоих прошлых… как бы это сказать… начинаний… Так вот, после всех твоих предыдущих начинаний мы не очень тебе доверяем…

– Мои прошлые начинания прославили нас на всю страну! – гордо произнес Жмуркин, зачерпнул из пакета кукурузы и отправил в рот.

– Я читал про одного парня, – заметил Витька. – Он очень сильно любил попкорн и все время его ел. И вот однажды он нигде не мог найти этого самого попкорна, нашел лишь кукурузу для его приготовления. Взял да и сожрал целый пакет. И газировкой запил. Конечно, от такого кушанья живот у него сразу же заболел, и этот дурик приложил себе к пузу грелку и спать улегся. Эта кукуруза у него стала внутри разбухать, разбухать, все больше и больше…

– И что? – серьезно спросил Генка.

– Что-что – лопнул! – ответил Витька.

Генка засмеялся. Витька засмеялся. Жмуркин не выдержал и тоже захохотал, схватившись за живот, а потом внезапно покраснел, выпучил глаза и забегал по гаражу.

– Вот так оно и бывает, – подмигнул Витьке Генка. – Жмуркину нельзя доверять. Только что он нам рассказывал, как будет нырять к затонувшему «Титанику» и приобретать новехонькие лимузины, и вот уже задыхается, подавившись попкорном!

Жмуркин мычал, подпрыгивал и всем своим видом показывал, что он подавился.

– Как мы будем глядеть в глаза его матери? – спросил Витька.

Жмуркин корчился. По щекам у него текли слезы, а лицо приобрело уже заметный свекольный оттенок.

– Мир утратил великого кинорежиссера! – продолжал Генка. – Мировая культура понесла невосполнимую утрату!

Жмуркин захрипел.

Генка зашел к Жмуркину со спины и треснул его ладонью между лопатками. Попкорн выскочил из жмуркинского горла, и Жмуркин продышался. А едва продышавшись, сказал:

– И все-таки выслушайте меня, это стоит послушать. Хотя вы и не верите, но на самом деле это может быть шанс.

Генка вытер ладонь о жмуркинскую куртку и посмотрел на Витьку. Витька пожал плечами.

– Ладно, – Генка посмотрел на часы. – Я даю… мы с Витькой даем тебе пятнадцать минут. Потом мы тебя выгоняем. К тому же тебе и так пора – время Снежка выгуливать.

– Снежка мама выгуливает, она сейчас в отпуске, – Жмуркин устроился в кресле и придал себе значительный вид. – Иду я по проспекту Строителей, никого не трогаю…

– Уже четырнадцать минут, – Генка следил за часами.

– Ладно, ладно, перехожу к сути, – голос Жмуркина сразу стал стяжательским и деловитым. – Иду, смотрю день… тьфу, дом двухэтажный. А в окне первого этажа картонка с надписью «Продаю». Там много чего еще продавалось, всякие приемники-шмиемники, сапоги еще с Первой мировой, портсигары из дюраля немецких самолетов… А меня одна штука там привлекла – фотокамера, опять же немецкая, раритетная. Дай, думаю, зайду посмотрю. Я ведь с недавних пор и фотографией стал увлекаться, как это там – остановись, мгновенье, ты прекрасно…

– Короче, – напомнил Генка.

– Короче, там было так. Квартира. В квартире сидит дед, лет, наверное, девяноста. Вредный, как анаконда…

Витька засмеялся.

– Чего смешного? – спросил Жмуркин.

– Сравнение хорошее. «Вредный, как анаконда». Сам придумал или прочитал где?

– Сам, – ответил Жмуркин. – Но это к делу отношения не имеет. Так вот, захожу я в эту квартирку, дверь открыта, а там на кровати сидит старикан. Вернее, даже не сидит, а лежит, ну, будто бы при смерти. Вокруг него целая куча родственников. И дочка, и сын, и внучка, и еще кто-то. И все этого деда уговаривают: дедушка, поедем к нам жить да поедем к нам жить, а он ни в какую. К папироскам все своим тянется, а они, родичи, ему эти папироски не дают. Нельзя курить тебе, дедушка, здоровье разрушать… А я стою и думаю – этому дедушке деревянный макинтош десять лет назад уже пора было примерить, а они ему все здоровье сохраняют. Кстати, на меня никто и внимания не обращает, будто я обстановка мебели какая, все у деда папироски отнимают. А он их попрятал по всей комнате – в подушках, в книжках, в ботинках, вот все

эти родственники и давай их находить. А дед лежит в койке и их проклинает. Родственникам плевать – они все эти папироски понаныкали и спрятали у себя. Тут дед разъярился и давай проклинать их еще сильней. Проклинает и ботинками в них швыряется, знаете, такие ботинки, «прощай молодость» называются, у деда этих ботинок под кроватью оказалось просто немерено. Родственники сначала уклонялись, потом им это, видимо, надоело, и они собрались и вышли.

А я остался.

Дед перешвырял все ботинки и стал зубами скрипеть. Тут я ему и говорю – дедушка, продай мне фотоаппарат, хорошую цену дам, двести рублей. А дед такой нервный, аж подпрыгивает на своей койке. Меня совсем не слышит. Двести рублей, кричу ему, а он только от своей ярости трясется. Я решил подождать, когда дедушка успокоится. Сел на табуретку. Минут через десять дед немного затих, и я снова к нему – продай фотик, даю последнюю цену – триста рублей. А дед мне и говорит – давай, внучок, слетай за папиросками, а там и поговорим. Я, может, тебе тайну какую открою. Я ему и отвечаю: знаю я ваши тайны! «Ноги гвоздями прибиты к затылку, но он им не выдал, где спрятал бутылку…» Дед захихикал, а потом и шепчет – не, не бутылка, клад. Принеси мне папирос, а я тебе схему дам, где клад зарыл. Курить хочу, помираю.

У меня времени до фига, я взял да и сбегал, до рынка там недалеко было. Купил ему две пачки.

Дед как меня увидел, так сразу папиросы выхватил и выкурил целую пачку. Скомкал ее и бросил на пол, а потом и давай рассказывать.

Когда дед был молодым, он работал в Макаровском монастыре, ворота там строил. Потом началась Гражданская война, а вверх по реке каторга как раз была, рудники медные, и все каторжане разбежались, охрану перебили и пароход захватили. Сколотили банду и по реке пошли, грабили всех подряд, села сжигали. И к монастырю уже подходить стали – река широкая, их издалека видно было. Настоятель велел самое ценное, что в монастыре было, в сундучок собрать и спрятать. Так и сделали. Хотели в монастырской стене замуровать, уже потащили, как тут с парохода стали из пулемета стрелять. Монахи разбежались, а сундучок в кусты свалился, тут его этот дед, ну, тогда он еще был молодым и сильным, и нашел. Взял да и оттащил к монастырской гостинице. Сбросил сундук в подвал, пол быстро расковырял, да и закопал там. Тут как раз

эти бандюганы подоспели. И по своему обыкновению давай все жечь и ломать. Монахи укрылись в церкви – а каторжники двери заминировали и рванули! И гостиницу как раз подожгли. Гостиница сгорела и обрушилась – все в подвал и провалилось. Так что все сокровища там и остались…

Жмуркин посмотрел на Генку и Витьку.

– Они там и лежат, – заверил Жмуркин. – Я заглянул в Интернет, в библиотеку заглянул. Везде посмотрел, в архивах старых даже посмотрел. Нигде факт нахождения клада не отмечен. Это во-первых. А во-вторых, через два года тот храм, ну, у которого дверь взрывали, дал трещину и обрушился. И стена завалилась. Одна церковь всего целая осталась. Еще через два года монастырь закрыли и забросили. Так что клад там. Ждет, когда его откопают.

Генка задумчиво посмотрел в потолок.

– Так дед, может, про этот клад каждому встречному-поперечному рассказывал, – предположил Витька. – Всем своим родственникам, всем, кто ему за сигаретами бегал…

Жмуркин подумал и сказал:

– Не. Дед из упертых. Он эту тайну хотел только перед смертью поведать, так красивше. Каждый хочет, чтобы загадка в жизни до конца оставалась… А родичи ему курева не купили – он ее мне и вывалил. Назло им. Но это еще не все. Дед давно еще, после Великой Отечественной войны, план нарисовал. Гостиница церковная ведь большая была, подвал большой, а он в определенном месте сундучок закопал. Просто так не найдешь. А в каком месте закопал – он и сам сейчас не помнит. А в плане все отмечено…

– И где же этот великий план? – Генка продолжал смотреть в потолок. – Могу поспорить, этот план сгорел при каком-нибудь пожаре, или провалился сквозь землю при землетрясении, или нет – его сожрали при откочевке лемминги…[2 - Лемминг – тундровая мышь.].

– Не сожрали его лемминги, – Жмуркин с ловкостью фокусника расправил между пальцами клочок зеленоватой бумаги. – Дед мне его отдал.

Генка щелкнул пальцами. Жмуркин бережно вложил в них бумажку. Генка развернул. Витька, выглядывая из-за Генкиного плеча, тоже разглядывал план.

На небольшом, в четверть альбомного листа, клочке имела место схема. Были нарисованы стрелки, указывающие на север и на запад, волнистой линией протянута река, приток Волги, зубчатой линией – стена. Церковные здания были обозначены квадратиками и прямоугольниками. На одном из таких прямоугольников был тщательно выведен крестик.

Генка перевернул бумажку.

На обратной стороне был изображен большой вытянутый четырехугольник и опять направления на север и на запад. И приписано мелким аккуратным почерком: «От юго-западного угла вдоль по южной стене двадцать полушагов, затем семь шагов на север».

– Делайте добрые дела – и они вернутся к вам сторицею, – изрек Жмуркин. – Подай старому, нуждающемуся человеку табаку, и он подарит тебе схему…

– В самом деле, план какой-то… – сказал Витька.

– Это если Жмуркин его сам не нарисовал… – Генка с сомнением вертел бумажку.

– Не, – Витька взял листок, пощупал. – Бумага плотная, сразу видно, что старая. Написано фиолетовыми чернилами, а сейчас чернилами не пишут…

– Да, – согласно кивнул Генка. – У Жмуркина ума не хватило бы чернила разыскать, он бы маркером нарисовал… Вроде план настоящий…

– А теперь на это посмотрите, – Жмуркин вытряхнул из рукава куртки копию черно-белой фотографии.

На фотографии, сделанной, видимо, с вертолета, был отчетливо виден большой холм у реки. На холме возвышалась обшарпанная церковь с высоченной колокольней, какое-то перекошенное двухэтажное здание, большая каменная баня, небольшой пруд, какие-то руины и кособокие деревянные постройки.

Вокруг холма выщербленная, валящаяся набок стена из красного кирпича.

– Если верить этому плану, – Жмуркин указал на фотографию фломастером, – вот эти вот развалины, засыпанные песком, и есть как раз церковная гостиница. И как раз здесь зарыт клад.

– Клад… – Генка продолжал разглядывать бумажку уже на просвет.

– А чего дед сам клад не откопал? – спросил недоверчивый Витька.

– Время такое было, – глубокомысленно ответил Жмуркин. – Непростое… Сразу множество вопросов бы возникло. А теперь мы откопаем.

– Копать подземные ходы – опасно для жизни, – Генка сложил бумажку со схемой и спрятал в карман. – Так поступают только полные идиоты. Сказано ведь – не копай в незнакомых местах!

Генка открыл ворота гаража и вышел на улицу.

– Кажется, спекся, – Жмуркин ткнул Витьку в бок. – Против такого кто устоит?

Генка стоял на пороге гаража. Он отстегнул с пояса ножик, раскладывал его и снова складывал.

– Денежки наши! – ликовал Жмуркин. – Я куплю себе Джомолунгму…

Витька промолчал.

– Надо торопиться, – решительно сказал Генка. – Сейчас мода пошла – всякие монастыри восстанавливать… Можно и не успеть…

– А я вам полчаса о чем говорю! – воскликнул Жмуркин. – Время стучит нам в темя!

– А что дома скажем? – спросил Витька.

– Скажем, что идем в поход, – подмигнул Жмуркин. – Как обычно…

Генка цыкнул зубом и сказал:

– Предлагаю присвоить нашему походу кодовое название «Клад старого валенка»!

– Лучше не так, – не согласился Витька. – Название должно быть загадочным и романтичным. Предлагаю «Операция „Анаконда“.

– Я в восхищении, – совсем без восхищения промямлил Жмуркин. – Похоже на название фильма ужасов.

– А мне нравится, – Генка швырнул нож, и тот легко вошел в двери гаража.

Жмуркин посмотрел на дверь.

– Тогда так и запишем, – сказал он.

– Мы идем на поводу у человека, неспособного завязать шнурки, – Генка выдернул нож и спрятал его в карман.

Глава 2

Я бы в скауты пошел…

– А вы кто? – спросил парень и положил руку на перекладину шлагбаума.

Шлагбаум был устроен прямо у подножия холма. Рядом красовалась полосатая сторожевая будка, под козырьком будки висела керосиновая лампа, на борту зеленел герб с головой лося на фоне лилии. Имелась и небольшая скамеечка для сторожа, чтобы ноги зря не мять. Парень, выступавший в качестве последнего, выглядел примечательно. Серая, похожая на солдатскую, форма, высокие тяжелые ботинки, зеленый галстук, скрепленный ловко свернутым кусочком

бересты, большой пробковый шлем.

«Совсем как в фильмах про англичан в Индии или в Африке», – подумал Витька.

– Кто вы? – повторил парень свой вопрос.

– А ты кто? – нагло спросил Генка и выступил вперед. – Чего стоишь?

– Я дежурный по КПП, – объяснил парень и кивнул на будку. – Или по шлагбауму. Дежурный по шлагбауму, все так меня называют…

– А что за шапка у тебя? – продолжал расспрашивать Генка.

– Это не шапка, а шлем, – важно сказал дежурный. – Нам наш мастер из Англии привез десять штук. Жребий тянули, мне тоже достался. Тамошняя английская организация спонсировала. Из настоящей пробки сделан.

Парень постучал себя по шлему. Звук и в самом деле получился глухой, пробковый.

– Что за организация? – Генка смотрел на возвышающуюся над ними колокольню. – Общество «Истинных шлагбаумят»? Союз «Не проехать, не пройти»?

– Республиканская скаутская дружина «Юные Лоси», – гордо ответил дежурный.

Ребята переглянулись.

– Хорошее название… – пробормотал Витька.

– Да уж… – согласился Генка. – И что вы здесь, лоси, делаете?

– Наша дружина взяла шефство над возрождением Макаровского монастыря, – сообщил скаут. – Будем территорию расчищать, столовую строить. Стену реставрировать…

– Какая реставрация? – вышел вперед Жмуркин. – Что за реставрация? Никакой реставрации быть не должно!

Скаут вскочил со своей скамеечки, внимательно посмотрел на ребят и подозрительно спросил:

– А вы все-таки кто?

Генка поглядел на Жмуркина. Жмуркин не предполагал встретиться с такими затруднениями. По его сведениям, монастырь был почти пуст. В начале лета сюда прибыли парочка монахов и несколько рабочих, вот и все. В случае чего Жмуркин планировал сказать им, что они приехали на разведку местности от городского кружка юных археологов. Не получилось.

– Что вам здесь нужно? – дежурный потянул руку к набедренному карману.

– Почему о реставрации не сообщалось? – начал ругаться Жмуркин. – Общественность не в курсе… А вы, между прочим, нарушаете наши конституционные права, мы желаем ознакомиться с архитектурой родного края!

Скаут расстегнул карман и достал телефон.

– Местные мы, – соврал Витька. – Местные.

– А чего с рюкзаками? – дежурный не убирал телефона, делал вид, что проверяет эсэмэски. – Местные с рюкзаками не ходят…

– Мы в город ездили, – врал Витька. – За…

– За шерстью, – брякнул Жмуркин. – У нас артель – носки вяжем из собачьей шерсти…

Витька и Генка смотрели на Жмуркина, раскрыв рты.

– Они от ревматизма помогают, – Жмуркина несло. – А мы уже и в своей деревне, и во всех окружных деревнях всех собак обстригли…

– Ты, – скаут ткнул телефоном в Жмуркина, – ты же говорил, что архитектуру хочешь посмотреть.

– Мы воды набрать хотели, – сказал Генка. – Там ведь источник…

– Нельзя теперь, – скаут наконец спрятал телефон. – Там, на холме, у нас теперь фронт работ. Теперь только монахи и скауты могут пройти. Вы монахи?

– Я тебе сейчас покажу монаха… – Генка двинулся на скаута, но Витька его остановил.

– И вправду, – вмешался Жмуркин. – Пойдемте домой, робята. Нам еще шерсть плести… тьфу, прясть…

Жмуркин взял обоих за рукава и потащил прочь от шлагбаума.

– Собачью шерсть плести – это круто, – говорил Генка. – Это, Жмуркин, шутка месяца…

– Вить, ты все знаешь, наверное, – не слушал его Жмуркин. – Кто такие скауты? Я только краем уха…

– Ну скауты… – начал припоминать Витька. – Это что-то вроде пионеров… Кто такие пионеры, помните?

– Помним.

– Ну вот. Это один англичанин придумал, еще в прошлом веке. Его звали… Баден-Баден, что ли… Вот он и придумал, чтобы детей, ну и подростков тоже научить разным практическим штукам. Костры разжигать, в лесу выживать, стрелять. И чтобы дисциплина тоже была на уровне. Скаут – это, кажется, разведчик по-английски. А у нас как пионеры исчезли, так скаутов стали возрождать. Типа, юные разведчики. Тебя, Жмуркин, в скауты не возьмут.

– Почему это?

– Ты Родину не любишь. А когда ешь, все себе на штаны роняешь. Тебе не место в стройных скаутских рядах…

– Отвали-ка лучше…

Они спускались с холма к прилипшей к реке деревне. Деревня была большая, но беспорядочная, из заметных зданий – один двухэтажный деревянный дом быта. А так все приземистые унылые домишки, ни кирпичных белых заборов, ни веселых черепичных крыш. Не говоря уже о спутниковых антеннах.

– Ты, Крокодайл, тоже с водой хорошо придумал, – вспомнил Жмуркин. – Какой дурак снизу, от реки попрется на холм за водой…

– Пить на самом деле хочется, – сказал Генка. – Надо лимонаду купить. Пойдемте к магазину. Попьем квасу, посидим спокойно, подумаем, что делать дальше…

Асфальта в деревне не оказалась. Ребята тянулись по пыльным колеям, сторонясь каких-то слишком уж беззаботных собак, злобных клювастых гусей и безнадзорных коз. Народа видно не было. Жмуркин предположил, что «крестьяне вышли на обмолот зяби», на что Генка заметил, что скорее всего они еще спят, время еще раннее, всего одиннадцать часов. То, что жители любят поспать, было заметно и по самой деревне – дома были хоть и крепкие, но при этом какие-то обшарпанные и неухоженные, в огородах рос исключительно один лук, а дрова были не колотые, а просто валялись толстыми пилеными чурбаками.

Улица, по которой шагали друзья, называлась Водопроводной, хотя никакого водопровода в окрестностях не наблюдалось. Водопроводная вывела ребят к небольшой грязной площади, на площади обнаружился искомый продуктовый магазин. Возле магазина разворачивалась драка.

Четверо мальчишек прижали к стене магазина невысокого паренька, судя по форме и галстуку, скаута. Под ногами у скаута валялось несколько белых листовок и опрокинутое ведерко с клеем. Скаут испуганно озирался и пытался отбиваться. Мальчишки были деревенские – все в потертых спортивных костюмах, в кедах и почему-то в осенних шапочках, они смеялись, дергали скаута за галстук и лупили дудками борщевика. На голове у одного из мальчишек, у самого рослого и могучего, настоящего крепыша, уже красовался английский пробковый шлем.

– Достойное завершение неудачного утра, – буркнул Жмуркин и собрался было свернуть на соседнюю улицу.

Но Витька схватил Жмуркина за руку.

– Ты что, не понял? – зашептал он. – Это же…

Но Генка его уже опередил.

– Эй, вы! – крикнул Генка, оценивший выгоду ситуации и к тому же не терпевший любую несправедливость. – Чего вы к нему прилипли?

– А тебе-то что? – спросил крепыш.

– Поганенько как-то получается, – Генка сбросил рюкзак на землю. – Вас четверо, а он один. Нэкрасиво…

Мальчишки бросили скаута и повернулись к Генке. Один из них спросил Генку:

– Ты что, в рог хочешь?

– Хочу, – ответил Генка. – Вот ты, – он указал пальцем на крепыша, – вот ты и дашь мне в рог.

Крепыш засмеялся, отстранил своих дружков и сам выступил к Генке.

Витька тоже сбросил рюкзак. Жмуркин рюкзак не бросил, но нащупал в кармане газовый баллончик.

– Ты чо, – крепыш сделал к Генке шаг. – Совсем борзостный стал?

Скаут постарался вырваться, но мальчишки снова прижали его к магазинной стене.

– Отстали бы, а? – попросил Генка. – С утра никого убивать не хочется…

– Мы борзых пацанов быстро окорачиваем, – крепыш широко размахнулся и попытался ударить Генку.

Генка присел, пропустил кулак над собой и в ответ ткнул крепыша в печень левой. Тот ойкнул и сел на землю. Трое других мальчишек растерялись и выпустили скаута.

– А-а-а! – завопил Жмуркин, выпрыгнул вперед, выставив перед собой руку с баллончиком.

Мальчишки непонимающе переглянулись. И Жмуркин тут же поразил их пахучей газовой струей. Деревенские заверещали и рванули вверх по улице. Жмуркин подскочил к сидящему крепышу и прыснул и ему. Крепыш зарыдал и попробовал уползти к магазину, но Жмуркин его не отпустил, повалил и стал лупить. Крепыш вяло отмахивался, а Жмуркин напрыгивал с разных сторон, колотил кулаками по голове, по плечам, пытался даже дергать за волосы.

– Ладно, оставь его, – велел Генка. – И так досталось. У тебя вода есть? – спросил Генка уже у скаута.

Скаут отцепил от пояса оплетенную круглую фляжку и кинул Генке. Генка, в свою очередь, передал ее крепышу.

– Твои друганы к колодцу побежали, – сказал он. – А ты глаза промой, а то разъест.

Крепыш взял фляжку и вылил себе на лицо.

– Зачем вы к нему приставали? – спросил Генка.

– А чего он клеит? – спросил крепыш, утирая сопли.

– Ему велели, он и клеит, – сказал Генка. – А вы к нему не приставайте больше! Понятно?

– У колхоза землю отобрали, монастырю передать собираются. – Парень поднялся с земли. – Теперь еще скауты какие-то… Парней к себе наших зовут,

девчонок…

Он поставил фляжку на землю, встал и, по-взрослому сутулясь, потащился по улице.

– Эй, чел! – крикнул ему Генка. – Ты кое-чего забыл!

Парень остановился, снял шлем и надел его на фляжку.

Скаут подождал, пока обидчик окончательно скроется, забрал фляжку, забрал шлем, протер его изнутри носовым платком, водрузил на голову. Затем вернулся к магазину и приклеил к стене объявление. В объявлении говорилось, что все желающие подростки до 16 лет могут приходить завтра в 16.00 к зданию клуба и записываться кандидатами в скаутскую дружину.

– А почему кандидатами? – спросил Генка.

– А вы местные? – в свою очередь спросил скаут.

– Мы из…

– Мы местные, – ответил Генка. – Мы шерсть плетем. А из нее валенки вяжем. И мечтаем вступить в скауты. С детства.

– Отлично! – обрадовался скаут. – Я поговорю с нашим скаут-мастером. Вы сегодня приходите в наш лагерь, он там, в лесу, с другой стороны монастыря. Но вас сразу в скауты не возьмут…

– Почему это? – спросил Жмуркин.

– Вы должны доказать, что на самом деле готовы. Но это только так говорится, кандидат – это почти то же самое, что и скаут. Будете жить в палатке, питаться вместе с нами, работать… Нам сейчас как раз рабочие руки нужны – мы на восстановлении монастыря заняты. Поэтому вас могут принять по ускоренной программе, по практическим делам то есть, а теорию после изучите. Сейчас главное – работа…

– Работать – это мы любим, – вставил Жмуркин. – Я так люблю работать, что иногда даже пообедать забываю…

– Слышь, – спросил Генка, – а скауты – это вообще…

Парень набрал в легкие воздуху и начал читать заученный наизусть текст:

– Скауты стремятся быть сильными, крепкими, ловкими, находчивыми, энергичными и предприимчивыми. Настоящие скауты проживут без чужой помощи в степи и в дремучем лесу. Они умеют разбираться во всевозможных следах и мелких приметах, умеют сберечь свое здоровье вдали от докторов и аптек, они всегда веселы и не падают духом. Своим величием Родина в значительной степени обязана энергичным, предприимчивым людям, которые, как внутри государства, так и на его окраинах, боролись за благо и свободу родного народа и распространяли культуру и просвещение. Многие из них погибли, но память о них в признательном сердце народа будет жить вечно…

– Понятно-понятно, – остановил его Генка. – Только вот насчет погибели…

Юный скаут принял строгое выражение лица, было видно, что он в случае чего готов распространить культуру и в борьбе за это сложить свою голову.

– Как скажешь, – Жмуркин похлопал паренька по плечу. – Мне всегда была близка такая вот позиция…

– И нам! – ответил за себя и за Генку Витька.

– Вот и здорово! – сказал скаут. – Приходите вечером. Кольку спросите – это я…

– Мы обязательно придем, – сказал Жмуркин. – Всю жизнь хотел восстановить справедливость и какой-нибудь монастырь!

Скаут Колька пожал ребятам руки и, испуганно озираясь на переулки, двинулся дальше по улице.

Витька тихонько продекламировал:

– Сын-балбес к отцу зашел и сказал, мяуча: «Я бы в скауты пошел, пусть меня научат…»

Глава 3

Внук Чингисхана

Витька проснулся оттого, что кто-то стучал ему по голове. Тук-тук-тук – с настойчивостью голодного дятла, добирающегося до спрятавшейся в глубине дерева гусеницы. Витька открыл глаза. Сначала Витька подумал, что это и в самом деле дятел, но стук был слишком громким и раздавался уж слишком под ухом. Буквально в какой-то паре метров.

– Какого черта? – Генка тоже проснулся. – Вчера до двенадцати какие-то сказки у костра травили, теперь ни свет ни заря по башке стучат…

– А Жмуркин вот спит, – Витька кивнул на Жмуркина. – Отличная нервная система.

– У него просто ночью матрас сдулся, он почти на земле лежал… Плохо выспался. Теперь будет до обеда дрыхнуть…

– Не будет, – сказал голос за стенкой палатки.

И тут же в окошко просунулась рука с чайником и стала поливать Генку, Витьку и Жмуркина. Причем не водой, а холодным чаем.

Витька нырнул в спальник, но он был старой конструкции, и чай пробирался внутрь, разгоняя последние обрывки сна.

– Сейчас я встану! – зарычал Генка, освобождаясь от спальника. – Выберусь! И надеру кому-то…

Генка запутался в завязках спальника, плюнул и вылез из мешка, извиваясь наподобие ужа. Он перекатился к выходу и, рыча, выскочил наружу.

Витька тоже стал выбираться из спального мешка. Получалось тоже плохо. Завязки за ночь затянулись, и Витьке пришлось растягивать их зубами. От возни проснулся Жмуркин.

– Почему мокро? – спросил Жмуркин. – Дождь, что ли, был…

– Снег, – ответил Витька, высвободился из мешка и выглянул из палатки.

То, что он увидел, поразило его. Прямо возле костра, пыхтя и скрежеща зубами, отжимался от земли Генка. Рядом с ним стоял вчерашний супермен в тельняшке, тот, кто принимал их в кандидаты. Витька вспомнил, что его, кажется, зовут Буров. Сережа Буров.

– Каждый настоящий скаут должен суметь отжаться двести раз, – Буров хлопал себя прутиком по сапогу, – должен уметь переплыть реку, должен…

Тут Буров заметил, что из палатки выглядывает Витька.

– А вот тебе и компания! – Буров шагнул к палатке, схватил Витьку за шиворот и выволок наружу.

– Ты чего? – недовольно спросил Витька.

– Отжимайся! – приказал Буров.

– Зачем? – глупо спросил Витька.

– Затем, что утро скаута начинается с отжиманий. Затем умывание, затем молитва, но это по желанию, затем завтрак, затем работа. Сегодня у нас по плану строительство столовой для монахов…

– А что, монахи сами себе столовую построить не могут? – пробурчал Витька.

– Скаут не спрашивает, скаут делает, – сказал Буров. – Ты хочешь стать скаутом?

– Мечтаю, – ответил Витька и, чтобы пробудить в себе хоть какую-то бодрость, представил сундук с сокровищами.

– Тогда отжимайся, – Буров указал прутиком на землю.

Витька принял упор лежа и стал отжиматься. Пока он отжимался, Буров выволок из палатки полусонного Жмуркина и пристроил его рядом с Витькой и Генкой. Хитрый Жмуркин не протестовал, отжимался хотя и плохо, но с видимым усердием и удовольствием.

Генка выдохся и свалился на хвою. Он отжался около восьмидесяти раз. Витька отжался всего сорок, а Жмуркин и того меньше – двадцать.

– Доходяги, – сказал Буров. – Пока вы недостойны быть скаутами, пока вы только кандидаты. А еще деревенские… Идите умываться.

– А где умывальник? – наивно спросил Жмуркин.

– Какой умывальник?! – заревел Буров. – Скауты умываются в реке!

Умывшись в реке, посмотрев на молящихся скаутов, позавтракав рисовой кашей с килькой в томатном соусе, ребята отошли на берег держать совещание.

– Через пять минут построение, – напомнил Жмуркин.

– Что-то мне не нравится быть скаутом, – сказал Генка. – Концлагерь «Солнышко» какой-то. Зарядка, каша с комарами… Не удивлюсь, что этот Сережа Буров вечером на дискотеке прокрутит нам парочку дисков. Пулеметных.

– Дискотеки не будет, – заметил Витька. – Будут песни у костра.

Витька невесело хмыкнул.

– Кстати, нам, между прочим, выпала большая честь, – Жмуркин поглядывал на часы. – За то, что мы защитили вчера скаута, нас определили в восьмерку к самому старшему скаут-мастеру Бурову! Восьмерка называется звено, впрочем, Колька, ну тот, вчерашний скаут, сказал, что в каждой республике все по-своему. По демократическим принципам. Где дружины, где отряды, где восьмерки, где звенья, черт ногу сломит, я ничего не понял… Сам Буров любит, чтобы были восьмерки. А Буров самый крутой! И мы в его восьмерке.

– Обрадовал, – Генка пнул сосну, с сосны упала шишка.

– Мне кажется, – сказал Витька, – мы не выдержим этого лагеря…

– Да уж…

– Вы что?!! – Жмуркин перешел на шепот. – Первый день здесь, а уже скисли? Забыли, зачем мы здесь? Забыли про сокровища?

Генка с сомнением посмотрел на Витьку и на Жмуркина, потом продекламировал:

– Как-то, уставши от будничных дел, мальчик Шварценеггером стать захотел. Гири качал, обливался водой… В гробу он лежал, как Арнольд молодой…

– Это уж точно, – Витька потер ноющие от отжиманий руки. – Быстрый и дохлый…

– Прошлым летом мы по тайге неделю бродили – и ничего! – напомнил Жмуркин.

– Там не было Сережи Бурова… – заметил Витька.

С поляны послышался колокол.

– Пора! – Жмуркин кивнул на полянку. – Пойдемте на перекличку… Клад стоит Сережи Бурова…

Скауты уже сбегались к поляне. Вид у всех был торжественный и веселый. Все были в своей форме, в ботинках, на шее галстуки, а некоторые и в пробковых

шлемах. Разведчики строились в восьмерки, пересчитывали друг друга, выравнивались, толкались, впрочем, все проходило без излишней суеты, как-то по-военному собранно и четко. Кандидаты, ребята, которых еще не приняли в скауты, пристраивались позади восьмерок. Витька подумал, что скорее всего эти кандидаты приехали тоже из города, вряд ли кто-нибудь из деревни захотел записаться в скаутскую дружину.

Генка, Витька и Жмуркин отыскали свою восьмерку и встали позади скаутов.

Восьмерки стояли по окружности поляны, в центре был флагшток, рядом с флагштоком пень. На этом пне сидел старший скаут-мастер Буров. В руках у Бурова блестел пионерский горн. Когда Буров решил, что все собрались, он забрался на пень и затрубил в горн. Все скауты щелкнули каблуками и подтянулись. Откуда-то сбоку сквозь ряды скаутов протиснулся крупный человек в длинном прорезиненном плаще. Скауты приветственно загудели. Человек в плаще поднял над головой руки.

– Сергей Петрович Чукаев! – Буров указал на человека. – Руководитель всего республиканского скаутского движения!

Скауты зааплодировали.

– Я буду звать его Великий Чу! – шепнул Генка на ухо Витьке.

Чукаев подошел к флагштоку, прицепил к нему зеленый флаг с лилией и головой лося и подтянул его кверху.

– Друзья! – крикнул он, подняв лосиный стяг. – У меня к вам радостное известие! Завтра я еду к нашим английским друзьям для того, чтобы договориться об установлении более плотных дружеских контактов! Поэтому все руководство нашим лагерем возлагается на хорошо известного вам Сергея Бурова!

Скауты привычно завопили. Буров почтительно поклонился, Чукаев кивнул и вышел из круга.

– Перекличка! – проорал Буров.

Все восьмерки по очереди называли свои имена – «Волки», «Медведи», «Барсы», девизы, состав, кто болен, кто здоров, кто назначен в дежурство, после чего скауты хором выкрикивали заклички – коротенькие рифмованные речевки. Восьмерка Бурова носила не свойственное русским реалиям имя «Динго». Закличка же была такая:

– Динго – зубы-когти-мощь, надо ближнему помочь!

Скауты, стоящие впереди, радостно ее проорали. Генка скептически промолчал, Витька едва не рассмеялся, Жмуркин же кричал, но без слов.

– А теперь все идем к монастырю! – скомандовал Буров. – Ша-агом марш!

Скауты стремительно перестроились из круга в колонну, опять проорали что-то бодрое и двинулись в сторону монастыря.

Восьмерка Бурова была последней. Сначала друзья шагали вольно, затем постепенно подстроились под ритм скаутов, и скоро уже все шли в ногу, даже Жмуркин.

До монастыря был километр ходу по лесной тропинке, это расстояние было преодолено минут за двадцать. Шлагбаум оказался поднят, путь на холм открыт. Путь от шлагбаума до шапки холма Буров велел пройти бегом. Скауты рванули вверх. Генке, Витьке и Жмуркину тоже пришлось бежать.

В жизни монастырь выглядел еще хуже, чем на том снимке с вертолета. Целым оказался лишь один храм – большая церковь с колокольней, видимо, ее построили по-настоящему давно, на яичных желтках[3 - Когда-то в строительный раствор для крепости добавляли яичные желтки.]. Двухэтажные кельи покосились, и по всему было видно, что восстанавливать их не собираются. Баня, наличествующая на фотографии, исчезла. Вместо неэстетичного пруда появился небольшой аккуратный каменный резервуар. Возле источника аккуратными штабелями были сложены брусья, доски, бревна и другие строительные материалы. Стена еще не упала. Недалеко от стены обнаружилось провалившееся в землю здание казематной наружности с полукруглыми окнами. В здание вела такая же полукруглая дверь с совершенно сказочным пудовым замком навесной конструкции. Цоколь разрушившейся церкви возвышался над землей метра на два с половиной и был похож на

закопанную летающую тарелку. На месте сгоревшей и обрушившейся гостиницы для паломников была закопана такая же тарелка, только чуть пониже, насыпь над фундаментом уже поросла травой и даже мелкими кустиками.

Жмуркин толкнул Витьку в бок.

– Здесь, – Жмуркин стрельнул глазами в сторону насыпи. – Здесь…

– Здесь мы поставим новую гостиницу, – сказал из-за спины уже знакомый им скаут Колька. – По финскому проекту. В конце лета финны приедут. А пока нам надо эту насыпь дурацкую срыть. Через две недели начнем…

Колька подмигнул ребятам и побежал вперед, туда, где Буров раздавал скаутам лопаты, пилы, ломы и другие инструменты, хранившиеся в приземистом сарае.

– Надо спешить, – прошипел Жмуркин. – Времени мало осталось…

– Сегодня ночью начнем копать, – сказал Генка.

– Эй, кандидаты, – позвал Буров. – Идите-ка сюда.

Ребята подошли к Бурову. Буров внимательно их оглядел. Потом изучил имевшийся в его распоряжении ассортимент инструментов, просвистел чего-то веселенькое и выбрал три здоровенных лома.

– Значит, так, – сказал Буров. – Каждый скаут должен любить труд и не быть лодырем. Поэтому вы берете ломы, идете порядка двухсот метров на север, то бишь в сторону реки, и начинаете ломать старую монастырскую стену. Работа простая, но суровая. Понятно?

– Понятно-понятно, – Жмуркин схватил лом и с трудом взвалил его на плечо. – Работаем от забора до обеда…

– Наши силы можно использовать и на более квалифицированной работе, – Генка с сомнением разглядывал лом. – На строительстве столовой, например…

– Сначала стену, – Буров указал на развалины стены. – Поработайте на размонтировании… Не забудьте рукавицы – техника безопасности…

– Поработаем, – согласно кивнул Жмуркин. – Мы эту стену так размонтируем – мало не покажется…

Но Буров уже утратил к ним интерес и разбирался с парой скаутов, поломавших носилки для переноски земли. Витька, Генка и Жмуркин направились к поросшей мхом монастырской стене. Жмуркин по-плакатному тащил лом на плече, Витька нес инструмент в руках, а Генка безо всякого уважения волок по земле.

Стена вросла в землю уже до человеческого роста. Со стороны реки она была покрыта толстым слоем зеленого мха, а поверху, между зубцами бойниц, зеленели молодые березки.

– Ну что, Ген, – Витька постучал по кладке. – Помогут здесь твои технические умения?

Генка промолчал. Он покрепче перехватил лом, широко размахнулся и обрушил его на стену. Витька натянул рукавицы, поднял лом и тоже ударил по кирпичам. Жмуркин поглядел на лом скептически. В высоту лом был с самого Жмуркина, видимо, по представлениям Бурова, настоящий скаут должен справляться с любым орудием.

– Это же просто, Жмуркин, – засмеялся Генка. – Ты же собирался эту стену только так размонтировать…

Жмуркин плюнул и присоединился к друзьям.

Через полчаса сделали перерыв, устроились с другой стороны стены, смотрели на реку, пили купленную в деревне газировку.

– Надо что-то придумать, – сказал Витька. – А то мы на этой долбаной стене себе все жилы понавыворачиваем…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Харлей-Дэвидсон» – марка культового американского мотоцикла.

2

Лемминг – тундровая мышь.

3

Когда-то в строительный раствор для крепости добавляли яичные желтки.

Купить: https://tellnovel.com/verkin_eduard/v-shkole-yunyh-skautov-poiski-klada

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити